

М. Ю. Пупынина, Д. Д. Мордашова

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В КОЛЫМСКО-АЛАЗЕЙСКОЙ ТУНДРЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ТУНДРЕННЫЕ ЮКАГИРЫ И ИХ КОНТАКТЫ С СОСЕДЯМИ

Эта работа — третья из цикла статей, посвященных языковой ситуации в Колымско-Алазейской тундре, регионе интенсивных этнических и языковых контактов, в конце XIX — начале XX века. В центре этого исследования — тундренные юкагиры и тундренный юкагирский язык, контактировавший с чукотским, эвенским, якутским и русским языком. Изложение основных результатов предваряется кратким экскурсом в историю юкагиров в XVII–XIX вв., который показывает, что рассматриваемый регион стал контактными ареалом не ранее XVIII в. В статье на основе данных литературы и собственных полевых исследований рассмотрены основные контактные явления в тундренном юкагирском языке, обусловленные влиянием остальных языков Колымско-Алазейской тундры. Выявлено, что количество лексических заимствований в современный юкагирский язык минимально из чукотского (менее 5), из эвенского составляет около 50, из якутского более 60 и, наконец, из русского — более 150 слов. На основе источников (этнографической литературы, свидетельств очевидцев) в статье описываются социальные условия, сопровождавшие контакты между представителями различных народов Колымско-Алазейской тундры; эти данные сравниваются с данными о лингвистических свидетельствах контактов. Контакты с чукчами в Колымско-Алазейской тундре носят недавний характер, что объясняет небольшое количество заимствований в юкагирский. Напротив, брачные и соседские связи между юкагирами и эвенками были очень тесны (так, существовали смешанные эвено-юкагирские роды и скорее всего было распространено двуязычие). Связи между якутами и юкагирами носили в основном торговый характер (якуты обладали ценными продуктами коневодства и скотоводства). Контакты юкагиров с русскими очень древние и во многих случаях сопряжены с контролем русскими соблюдения государственных повинностей, что говорит об иерархическом характере этих контактов. Таким образом, исследование показывает, что большое количество заимствований может быть объяснено как многолетней историей и культурным смешением (эвены и юкагиры), так и иерархическим характером связей между контактирующими общностями (якуты и юкагиры, русские и юкагиры).

Ключевые слова: юкагирские языки, тундренный юкагирский язык, юкагиры, языковые контакты, многоязычие, лексика, заимствования, термины родства.

1. Введение

Эта статья продолжает цикл статей, посвященных многоязычию и языковым контактам в Колымско-Алазейской тундре на рубеже XIX–XX веков. В границы рассматриваемой территории включаются не только непосредственно земли между устьевыми участками рек Алазея и Колыма, но и территории правых и левых притоков этих рек. Иначе говоря, мы рассматриваем территорию между горными водоразделами, разделяющими бассейны рек Алазея и Индигирка (на западе) и Колыма и Раучуа (на востоке). Тундра кончается на 68–69° с.ш. на юге, а с севера естественно ограничена берегом Восточно-Сибирского моря (см. Рис. 1).

В XIX–XX вв. в этом регионе проживали представители пяти культур и были распространены пять языков: юкагирский, эвенский, чукотский, якутский и русский. Исследование языковой ситуации в Нижнеколымском районе Якутии, расположенном в центре исследуемой территории, показало, что с середины XX века в этом регионе большая часть населения владела в той или иной степени всеми пятью языками региона (Pupynina, Aralova, 2021). Многоязычные языковые репертуары жителей Нижнеколымского района фиксировались и ранее (Вахтин, 2001; Гурвич, 1952). Развитию многоязычия способствовало, по-видимому, появление в контактном регионе еще большего, чем ранее, числа сообществ, в которых носители различных языков могли слышать и в ряде случаев вынуждены понимать языки

Рис. 1. Фрагмент «Карты распространения этнических групп, расселения племён и родов народов Сибири в XVII в.» (Долгих, 1960). Алаи, омоки, чуванцы, олюбензи, хоромои, яндыри, онойди, шоромба, колымцы, лавренцы, ходынцы и анаулы отнесены к юкагирским племенам.

носители различных языков могли слышать и в ряде случаев вынуждены понимать языки друг друга. К ним относятся общежития школ-интернатов, смешанные оленеводческие бригады и семейно-бытовое общение в смешанных семьях. Очевидно, что появлению этих новых сообществ косвенно способствовал переход на советскую систему хозяйствования и учреждение новой административной системы. Однако традиция говорить и понимать несколько языков существовала и раньше: до прихода советской экономики многоязычие уже было отмечено в этом регионе многими путешественниками, миссионерами, этнографами. В этом цикле мы пытаемся по косвенным данным описать контакты между языками и их носителями в период, предшествовавший широкому распространению многоязычия в Колымско-Алазейской тундре в XX веке. Период конца XIX — начала XX века был выбран потому, что он сравнительно неплохо задокументирован по сравнению с более ранней эпохой. Первые две статьи цикла были посвящены проблеме изучения истории языковой ситуации в этом регионе с опорой на исторические данные по распространению чукчей и чукотского языка и эвенов и эвенского языка (Пупынина, Коряков, 2019; Пупынина и др., 2020). В центре внимания этой статьи — юкагиры и тундренный юкагирский язык. Данная работа носит несколько видоизменённый заголовок по сравнению с предыдущими статьями цикла. Причина этого в том, что мы немного сместили акцент с исследования многоязычия на языковые контакты вообще, а также с картографирования мест контактов на описание тех условий, которые эти контакты сопровождали.

Материалом для статьи послужили существующие этнографические описания юкагиров (работы Б. О. Долгих, В. И. Иохельсона, З. В. Гоголева и др.), свидетельства очевидцев (подробнее см. ниже в Разделе 4), лингвистическая литература по заимствованиям в тундренном юкагирском (прежде всего, работы С. Н. Куриловой, Г. Н. Курилова, И. А. Николаевой), полевые данные авторов (историко-социолингвистические интервью и

словники на языках региона¹), собранные в ходе поездок в Нижнеколымский район и Якутск в 2013–2014 и 2016–2019 гг., а также архивные материалы — в первую очередь, словники А. И. Кондакова по оленеводческой лексике, записанные в 1932–1936 гг.² Довольно обширные обобщения по контактам в Колымско-Алазейской тундре с опорой на данные по чукчам и чукотскому языку и эвенам и эвенскому языку уже сделаны нами в двух уже опубликованных статьях цикла, которые мы активно цитируем.

Юкагирская языковая семья представлена в настоящее время двумя языками — тундренным (северным, нижнеколымским) и лесным (южным, верхнеколымским) юкагирскими, которые до недавнего времени описывались как диалекты одного юкагирского языка. Однако исследования показывают, что отличия между лесным и тундренным юкагирскими языками настолько значительны (так, уровень совпадений в лексике достигает всего 74 %, см. (Коряков, 2020); имеется также ряд различающихся позиций в фонетике и морфологии, см. (Николаева, Хелимский, 1997), что считать их вариантами одного языка становится затруднительно. В силу указанных отличий, тундренный и лесной юкагирские языки не взаимопонятны. По свидетельству В. И. Иохельсона, верхнеколымский юкагир Долганов и принимавшие его нижнеколымские юкагиры вынуждены были говорить на «тунгусском» и якутском языках, «которыми обе стороны хорошо владели» (Иохельсон, 1926/2005: 90). Однако через какое-то время Долганов и тундренные юкагиры развили рецептивное многоязычие, т. е. «Долганов говорил на своем диалекте, а тундренные люди — на своем, но они научились понимать друг друга» (Там же). Очевидно, впрочем, что несколько столетий тому назад могли существовать юкагирские диалекты, близкие к нынешним тундренному или лесному языкам (ср. упоминающийся ниже в Разделе 2 диалект омонгонских юкагиров, который был взаимопонятен с верхнеколымским, а также омокский и чуванский языки (или диалекты), известные по очень фрагментарным данным XVIII–XIX вв. и объединяемые с юкагирским (Николаева, Хелимский, 1997). В период XIX — начала XX столетий, интересующий нас в данной работе, в Колымско-Алазейской тундре был распространен только тундренный юкагирский язык.

Изложение материала в этой статье будет отличаться от предыдущих статей цикла. В Разделе 2 мы покажем, что Колымско-Алазейская тундра не являлась прежде контактными регионом, а находилась в центре общеюкагирского ареала. В Разделе 3 будут описаны лингвистические свидетельства контактов между языками, распространенными в регионе на рубеже XIX–XX веков. Наконец, в Разделе 4 мы рассмотрим, насколько эти свидетельства связываются с задокументированными в указанный период контактами тундренных юкагиров с соседями по региону, и о тех случаях, когда в ходе этих контактов юкагиры овладевали языками соседних народов.

2. География и история расселения юкагиров в XVII–XIX вв.

Ниже мы кратко опишем, какое место занимают тундренные юкагиры среди общеюкагирской общности. Для этого попробуем по реконструкциям историков восстановить, что представляла собой эта общность до того периода, когда были впервые зафиксированы и описаны два юкагирских языка.

По археологическим, фольклорным и топонимическим данным, юкагирские роды составляли палеонаселение северо-востока Азии, от низовьев р. Лены до Охотского побережья или по крайней мере до среднего течения реки Анадырь (Гоголев и др., 1975: 8; Иохельсон, 1926/2005: 29). Численность юкагиров, по оценке историков, на начало XVII века была весь-

¹ Словники включали лексику по следующим семантическим полям: одежда, жилище, оленеводство, рыболовство, охота, быт, названия людей, животных, растений и некоторых природных объектов.

² Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН: Фонд 5, опись 1, дело / единица хранения 145: Кондаков А. И. Материалы, собранные Кондаковым А. И. в Нижнеколымском районе. Словари: юкагирский, тунгусский, чукотский (по оленеводству). 1932–1936 гг.

ма небольшой для такой огромной территории: около 4500–5000 человек (Гоголев и др., 1975: 13). Известно, что в XVII в. юкагиры платили ясак в зимовьях на реках Яна, Индигирка, Алазея, Колыма и Анадырь (Долгих, 1960: 379), см. карту расселения юкагирских родов на Рис. 1. По реконструкции Б. О. Долгих, в это время юкагиры занимают всё побережье Ледовитого океана от Пегтымеля до Лены, а Колымско-Алазейская тундра оказывается посередине северной границы их ареала. В отличие от современной ситуации, в исследуемом ареале юкагиры, по-видимому, составляли большинство населения. С западной стороны, по Алазее, кочевал род алаи, а восточную часть тундры и большой ареал вокруг неё занимали омоки. С ними контактировала только небольшая группа неясачных чукчей, о которой имеются весьма отрывочные и противоречивые сведения (Долгих, 1960: 408–409). Более надежные источники сообщают о переходе чукчами Колымы на запад со своей исконной территории только в середине XIX в. (см. подробно об этом переселении в (Пупынина, Коряков 2019)). Таким образом, север почти всей современной Якутии к востоку от Лены и даже вся современная западная Чукотка были заселены в основном юкагирами различных родов. Эти роды, разумеется, контактировали и друг с другом. Так, на алазейском «камне», невысоком горном водоразделе между Алазеей и Индигиркой, располагался в XVII в. «пункт» торговли между алазейской и более западной олюбенской группой юкагиров (Долгих, 1960: 409). Контакты с русскими служилыми людьми как с представителями царской власти происходили почти по всей юкагирской территории. «Внешние» же контакты с другими инородцами осуществлялись, очевидно, по краю юкагирской территории: нижняя Лена, среднее течение Яны и Индигирки, где соприкасались территории юкагиров, тунгусов³ и отчасти якутов, а также юго-восток юкагирского ареала, где юкагирские группы контактировали с чукотско-камчатскими народами (чукчами, кереками, коряками).

В конце XVII века от эпидемий оспы вымерло несколько юкагирских родов (Долгих, 1960: 408). Хозяйство юкагиров также было ослаблено ясачной, подводной и воинской повинностью (Плужников, Шадрин, 2010: 641). В XVII–XVIII веках якуты всё дальше теснили эвенов вглубь юкагирской территории, в результате чего плотность юкагиров и их общий ареал ещё сильнее сократились. Если в XVII веке в ясачном зимовье на Алазее фиксируются одни юкагиры, а во многих зимовьях Яны, Индигирки и Колымы они составляют большинство (Долгих, 1960: 379), то уже в 1730-х годах ни в одном из ясачных зимовий юкагиры не составляли большинства подъясачного населения (Гоголев и др., 1975: 16). На всей обширной территории от Лены до Колымы юкагиры в разное время активно смешивались с эвенками и эвенками (Там же: 19), при этом юкагиры низовий рек, впадающих в Ледовитый океан, могли иметь контакты с различными тунгусскими диалектными общностями: с кункугурами и другими эвенскими родами, двигавшимися с запада (современное западное наречие эвенских диалектов), и уяганами и дельянами, двигавшимися с юго-востока, т. е. с Охотского побережья (современное восточное наречие эвенских диалектов), см. (Пупынина и др., 2020).

Во второй половине XVIII века — XIX веке юкагирское население снова уменьшилось. Юкагиры с р. Анадырь подверглись ассимиляционным процессам со стороны чукотско-корякского населения. На протяжении XIX века от частых голодовок и эпидемий оспы массово гибнут верхнеколымские, нижнеколымские и алазейские юкагиры (Гоголев и др., 1975: 17–18). К концу XIX века осталось только две компактных группы юкагиров, сохранивших

³ Термины *тунгусы* и *тунгусский* (без кавычек) соотносятся в данной статье с эвенкийско-эвенской языковой и культурной общностями. Цитируя других авторов, не всегда последовательно и единообразно использующих термины «ламуты» и «тунгусы», мы заключаем их в кавычки. Так, согласно (Гурвич, 1952: 203), в Колымском округе до революции ламутами называлась группа эвенов хододью, обитавших в бассейне р. Алазея, относящихся ко второму Каменно-ламутскому роду, тогда как тунгусами именовалась группа эвенов-хангаев, принадлежавших Бетильскому роду, обитавших в бассейне р. Чукочьа и в Халарчинской тундре. Разные подходы к трактовке двух этих терминов обсуждаются в (Пупынина и др., 2020).

свой язык и культуру: юкагиры верховьев Колымы, проживавшие в лесной зоне на реках Ясачная и Коркодон, и юкагиры Колымско-Алазейской тундры (см. Рис. 2). Описание быта, фольклора и языка обеих групп было впервые сделано в конце XIX века В. И. Иохельсоном на основе долгосрочной экспедиционной поездки по юкагирским селениям и кочевьям верхней и нижней Колымы (общая продолжительность экспедиции 2 года и 7 месяцев, 1895–1897). Основным отличием в области традиционной хозяйственной сферы было полное отсутствие у лесных юкагиров оленеводства, в то время как юкагиры тундры имели небольшие (до нескольких сотен голов, но чаще несколько десятков) стада оленей (Иохельсон, 1926/2005: 92–103). Во время своей экспедиции Иохельсон застал также представителей почти исчезнувшей оломонской группы юкагиров. Те оломонские юкагиры, которые еще помнили родной язык, могли свободно общаться с верхнеколымскими юкагирами (Иохельсон, 1898: 27–28). Эта группа до ассимиляции кочевала, по-видимому, на периферии Колымско-Алазейской тундры и, вероятно, имела контакты с нижнеколымскими юкагирами.

И тундренные, и лесные юкагиры называли себя «одул». Обе группы знали про существование друг друга и одулами «не-свою» группу не считали: тундренные называли лесных «кохимэ», а лесные тундренных — «алаи». При том, что лесные и тундренные юкагиры не

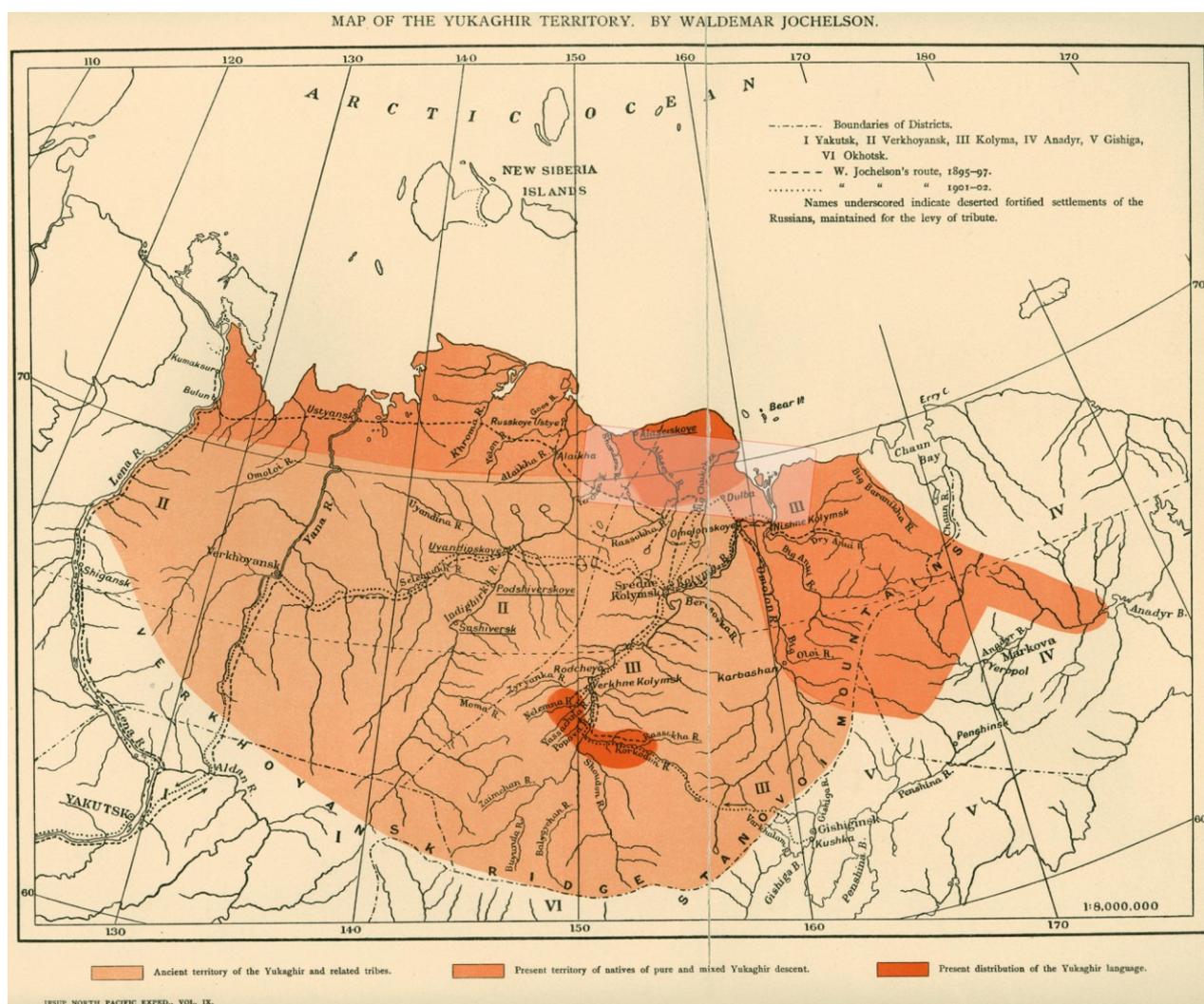

Рис. 2. Карта расселения юкагиров, составленная В.И. Иохельсоном. От светлого к тёмному обозначены: древняя территория юкагиров и родственных им племён; современная территория расселения юкагиров (в т.ч. смешанных) и территория распространения юкагирских языков на рубеже XIX и XX века (Jochelson, 1926: 134)

считали друг друга родственниками, представители обеих групп утверждали, что при ссоре с «тунгусами» или якутами будут поддерживать называющих себя *одул* (Иохельсон, 1926/2005: 172–173).

В конце XIX века по территории Колымско-Алазейской тундры кочевали две группы тундренных юкагиров, которые Иохельсон (весьма условно, т. к. названия основываются на ясачных переписях) называет Первым и Вторым Алазейскими «родами». Первый род, имевший также названия *алайи*, кочевал вдоль р. Большая Чукочьа и Коньковая (между Алазеей и Колымой). Второй род, называвшийся также гусиным, располагался к западу от Алазеи. Эти группы в конце XIX в. были крошечными по своим размерам: 33 человека в первом и 58 человек во втором Алазейском родах (Там же: 92–93). Тундренный юкагирский язык функционировал не только в среде этнических юкагиров: на нем также говорили «юкагиризованные тунгусы» (термин Иохельсона), т. е. эвены, из Бетильского и (меньше) Каменно-ламутского рода, которые кочевали по маршрутам, часто пересекающимся с Алазейскими юкагирскими родами.

В заключение раздела подчеркнем необычайно обширные размеры территории, которую занимали юкагиры в XVII в., и динамику ее сокращения. Географическое расположение мест контактов юкагирских родов необычайно менялось на протяжении XVII–XIX вв., что, скорее всего, повлияло на диалектологию юкагирских языков и характер контактных влияний. В XVII в. юкагирские роды Колымско-Алазейской тундры контактировали между собой, с русскими и, возможно, с чукчами. За пределами этой территории юкагиры вступали во взаимодействие с тунгусами, якутами и чукотско-камчатскими народами, но основные ареалы этих контактов располагались далеко от исследуемого региона. Зоной юкагиро-эвенско-якутско-русских контактов Колымско-Алазейская тундра стала, вероятно, не ранее XVIII в., однако элементы, унаследованные от более ранних контактов с тунгусскими, чукотско-камчатскими и русским языками теоретически могли быть привнесены в юкагирские языки и ранее. Далее мы перечислим заимствования, попавшие в тундренный юкагирский язык из других языков Колымско-Алазейской тундры. При этом будем иметь в виду, что о давности тех или иных заимствований мы можем судить только по косвенным данным.

3. Лингвистические свидетельства контактов юкагирского с языками региона

Тундренный юкагирский так или иначе подвергся влиянию со стороны всех языков региона, однако степень этого влияния в каждом случае неодинакова. Основное внимание в этом разделе будет уделено заимствованию языкового материала (лексики и грамматических показателей) и отдельным структурным параллелям, тогда как контактное влияние на морфосинтаксическое оформление клаузы остается задачей для дальнейшего изучения (ср., например, исследование (Matić, 2008) о русском влиянии на морфосинтаксис лесного юкагирского языка). Дальнейшее изложение будет организовано по нарастанию степени влияния: от чукотского языка, для которого обнаруживаются лишь точечные структурные пересечения и несколько заимствований, к русскому, который в количественном отношении сильно превосходит другие языки региона как источник заимствований в юкагирский.

Контактное взаимодействие юкагирского и **чукотского** носит в высшей степени минималистичный характер. В (Nikolaeva, 2006) приводятся всего несколько корней, имеющих потенциальные чукотские соответствия: 1) *џааџаа* ‘название группы оленных чукчей’ (ср. т. юк. *чаача* в (Курилов, 2001: 530) и чук. *савси* ‘богатый оленями, оленевод’ в (Аникин, 2000: 672); 2) *илвii-* ‘пастушить’ (ср. т. юк. *илвиш-* и *илвишчэ* ‘пастух’ в (Курилов, 2001: 92) и чук. *џлwџлу*, *џлwe-* ‘олень (дикий)’ в (Мудрак, 2000: 32); 3) *wal'e* ‘цена’, *wal'ite-* ‘платить’ (ср. т. юк. *вальэ* ‘цена, плата, стоимость’, *вальитэ-* ‘заплатить’ в (Курилов, 2001: 64–65) и чук. *vil* ‘плата, цена’ в (Мудрак, 2000: 151); 4) междометие *теj*, имеющее одинаковую форму в юкагирском и чукотском, которое служило обращением и фиксируется, согласно данным И. Ни-

колаевой, в работах Е. Крейновича, однако в словаре (Курилов, 2001) оно не отмечено. Отдельно хотелось бы указать на лексему *qarqor* ‘топор’, зафиксированную в омокомском списке мичмана Ф. Матюшкина⁴, которую связывают с чук. *γatya* с тем же значением (Мудрак, 2000: 38). В словаре (Курилов, 2001: 148) при этом отмечается слово *kaamka* ‘катка (маленький топорик)’, которое, несмотря на фонетическую близость с чукотской лексемой, признается заимствованием из колымских говоров русского языка, где *гатка* служило обозначением ‘тесла особой формы’ (Аникин, 2000: 164). Интересно, что это слово, в свою очередь, было заимствовано из чукотского *gamtə* ‘тесло, используемое чукчами’ (основа *gatga*, см. там же), то есть первоисточником в этой цепочке заимствований является именно чукотский язык.

В целом степень влияния чукотского на юкагирский и другие языки региона довольно мала: даже если в чукотском есть обозначения реалий, для которых в юкагирском (или эвенском) нет своего слова, то заимствованы будут скорее русские или якутские слова. Так, например, по данным собранных нами словников, слово «нерпа» (чук. *miməl*), распространенное в регионе животное, было заимствовано в юкагирский (а также эвенский и якутский) из русского, а не из чукотского языка. Причем в юкагирском и якутском языках это слово несет следы фонетической адаптации (т. юк. *ньиэрпэ* < як. *ньиэрпэ*), а в нижнеколымском эвенском используется неадаптированное русское *нерпа* (ср. другие обозначения в остальных эвенских диалектах в (Цинциус, Ршес, 1952: 319).

В дополнение к единичным лексическим заимствованиям можно отметить существование параллельных формул приветствия, имеющих своеобразную вопросно-ответную форму: ср. т. юк. *Мэ кəлдьэк?* ‘Пришел?’ — *Мэ кəлдьэн* ‘Пришел’ и чук. *Emmi?* ‘Пришел?’ — *Ii*. ‘Пришел’ (Гоголев и др., 1975: 226). В юкагирском такое приветствие использовалось ранее, а теперь почти забыто. В чукотском же оно до сих пор распространено. Сходная модель приветствия использовалась ранее и в эвенском языке. Другую параллель можно наблюдать в образовании обозначения крепкого алкоголя (преимущ. водки): по нашим словникам, дословно и юкагирском, и в чукотском это сложное слово со значением ‘плохая вода’ (ср. т. юк. *ньаарчэлавйэ* = *ньаарчэ* ‘плохой’ + *лавйэ* ‘вода’ и чук. *ʔeqimət* = *ʔeq* ‘плохой’ + *imət* ‘вода’).

Тесные эвено-юкагирские связи⁵ оставили заметный отпечаток на лексическом составе тундренного юкагирского языка: в нем обнаруживается более 50 **эвенских** заимствований из разных семантических полей (см. (Nikolaeva, 2006; Курилова, 2014a). Наиболее многочисленными являются заимствования в сфере оленеводческой лексики. Например, можно отметить заимствованные из эвенского наименования оленей, которые в юкагирском были освоены с помощью дополнительного морфологического показателя *-əl* (Nikolaeva, 2006: 103, 161, 208): т. юк. *amarkanel* ‘олень-самец 5 лет’ < эв. *amarka:n* ‘олень-самец 4–5 лет’, т. юк. *eenil* ‘годовалая важенка’ < эв. *e:ni* ‘годовалая важенка с олененком’, т. юк. *ketemel* ‘нетель, неотелившаяся важенка’ < эв. *ketem* ‘бесплодная важенка’ и др. В ряде случаев однозначно установить направление заимствования не удастся: ярким примером является юкагирское слово

⁴ Речь идет о т. н. омокомском словнике, собранном Ф. Матюшкиным на р. Малый Анюй во время экспедиции Ф. Врангеля в 1821 г. До настоящего момента неясно, можно ли омокомский диалект отнести к тундренному юкагирскому. Из различных источников известно, что омоки проживали в нижнеколымской тундре как к западу, так и к востоку от Колымы (см. Рис. 1). Иохельсон относит омоков к Первому Омолонскому роду, язык которого он считает более похожим на лесной, чем на тундренный юкагирский. С другой стороны, омокомские материалы содержат фонетические черты, свойственные именно тундренному юкагирскому (более подробное обсуждение этого источника см. в (Nikolaeva, 2006: 24).

⁵ В Колымско-Алазейской тундре на западе было распространено западное эвенское наречие, а на востоке — восточное (ольский говор), см. (Пупынина и др. 2020). В данной статье мы не рассматриваем отдельно контакты юкагирского с восточным и с западным наречием. По-видимому, к западу от Колымы, где в основном проживали юкагиры, западные говоры имели большее влияние, несмотря на постоянные единичные переселения восточных эвенов на запад и наоборот.

lalime ‘нарта’, которое некоторые исследователи возводят к эвенскому *polima* ‘нарта’ (ср. (Курилова, 2014а: 102–103), тогда как другие считают его бесспорным юкагиризмом (ср. *турки*: ‘нарта’ в ольском говоре эвенского, лежащем в основе эвенского литературного языка; см. также (Шарина, Кузьмина, 2018: 110).

В ходе работы со словарями А. И. Кондакова нам удалось выявить несколько лексем, заимствованных из «тунгусского» / «ламутского».⁶ В частности, наряду с исконно юкагирским обозначением дикого оленя (*тōлү*, *таланг*, *талаав* в орфографии А. И. Кондакова и *талав(н)* ‘дикий олень’ в (Курилов, 2001: 458) в словнике фигурирует лексема *bijun* (или *böjun*), которая использовалась «ламутами» и «тунгусами» (то же обозначение зафиксировано и в наших эвенских словарях). Кроме того, в юкагирской части списка у А. И. Кондакова зафиксировано слово *kani* (тж. *kaani*) ‘важенка, принесшая двойню’, которое использовалось в «тунгусском» (*kāni*; запись для «ламутского» не приводится). В (Курилов, 2001) эта лексема отсутствует, а в эвенском при этом находим: *kāni* ‘двойня (об оленятах); важенка, принесшая двойню’ (Роббек, Роббек, 2005: 137).

Некоторое количество эвенских заимствований фиксируется среди терминов родства, причем в базовой части поля, содержащей наименования близких родственников: т. юк. *эньиэ* ‘мать’ < эв. *энин* ‘мать’, т. юк. *амаа* ‘отец’ < эв. *ама(н)* ‘отец’, т. юк. *акаа* ‘старший брат’ < эв. *ака* ‘брат(ец)’, т. юк. *экыа* ‘старшая сестра’ < эв. *экэ* ‘старшая сестра’ (см. подробное описание системы терминов родства в (Курилов, 1969). Такая картина представляется не вполне стандартной с типологической точки зрения, поскольку, согласно (Тадмор, 2009: 64–65), термины родства в языках мира очень стабильны и заимствуются редко. Отметим, что старшие сиблинги относились к классу родственников, коммуникация с которыми требовала соблюдения обычая избегания. В соответствии с этим обычаем (наряду со многими другими ограничениями) не разрешалось использовать по отношению к сопряженным с ним родственникам соответствующие термины родства (подробнее о нормах общения в рамках обычая избегания см. (Крейнович, 1972). Однако, по-видимому, эти ограничения действовали исключительно в рамках коммуникации на юкагирском языке, поэтому в общении с родственниками, которых следовало «избегать», мог использоваться другой язык, в частности, эвенский (Matić, 2019). Можно было бы предположить, что эвенские обозначения для старших сиблингов вытеснили юкагирские именно по этой причине, однако заимствование эвенских терминов для родителей по-прежнему не находит объяснения (обычай избегания на отношения между детьми и родителями не распространялся).

Заимствование лексического материала в поле родства не было односторонним: так, в нижнеколымском говоре эвенского обнаруживаются заимствования из юкагирского, касающиеся более «периферийных» родственников (таких как *эмд’э* ‘младший сиблинг’, *эвд’уо* ‘тетя (единоутробная, двоюродная сестра отца)’) и нек. др., подробнее см. (Пупынина и др., 2020). Младшие братья и сестры у юкагиров также попадали в сферу действия обычая избегания: возможно, аналогичная ситуация имела место в эвенском, и заимствование юкагирского термина *эмд’э* в этом смысле является зеркальным отражением ситуации со старшими сиблингами в юкагирском, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В заключение обсуждения эвенского влияния рассмотрим грамматический сюжет, касающийся тундренного юкагирского суффикса *-чиш*. Этот суффикс образует аттенуативные формы глаголов: ср. *эгуо-* ‘встать с места’ — *эгуочиш-* ‘встать ненадолго’ (Курилов, 2001: 583–584), *йуө-* ‘увидеть’ — *йуөчиш-* ‘взглянуть’ (Курилов, 2001: 132, 134) и др. В эвенском языке имеется фонетически близкий суффикс *-сĭ*, который в большинстве диалектов служит показателем конатива, т. е. выражает значение попытки (стремление совершить действие по (Новикова, 1980). Однако в некоторых эвенских говорах фиксируется его употребление в

⁶ А. И. Кондаков не приводит пояснений относительно того, какие этноязыковые группы стоят за этими терминами.

функции аттенуатива, ср. пример из архива (Pakendorf et al., 2010): *em -u -sč̣i -we:t -te* (приходить-CAUS-CONAT-GNR-NONFUTURE(.3PL) ‘принесли немного’.⁷ В описании нижнеколымского эвенского (Шарина, Кузьмина, 2018: 81) также встречается обозначение данной формы как глагольного диминутива: ср. *ṭūḍəi* ‘идти (о дожде)’ — *ṭūḍəḷəḥč̣uḍəi* ‘идти, накрапывать (о небольшом дожде)’, хотя в этом говоре возможны и общеэвенские конативные употребления. Поскольку это общеэвенский суффикс, логично было бы предположить, что тундренный юкагирский его заимствовал. Однако эта гипотеза осложняется тем, что в лесном юкагирском также зафиксирован суффикс *-s'i*, который одновременно функционирует как глагольный аттенуатив и показатель гипокористической формы (в тундренном юкагирском для последней выделяется показатель *-kōdi*), выражающей сопереживание субъекту действия (см. (Maslova, 2003a: 210). Это может служить аргументом в пользу обратного направления заимствования и возможного переосмысления значения данного суффикса как аттенуативного в нижнеколымском эвенском, а затем и в других территориально близких к нему эвенских говорах.

Лексические заимствования из **якутского** языка составляют довольно многочисленную группу: в (Nikolaeva, 2006) отмечено более 40 единиц, тогда как последующие исследования С. Н. Куриловой показывают, что их число превышает 60 (Курилова 2014b). Заимствованные элементы разнородны как в семантическом, так и в морфологическом плане, и, согласно суждениям носителей, они в большей степени осознаются как заимствования в сравнении с эвенизмами (С. Н. Курилова, личное сообщение). Среди основных семантических групп можно выделить: термины общественно-политической жизни (*улуус* < як. *улуус* ‘улус’, *мунньах* < як. *мунҕах*, *мунньах* ‘собрание, сбор, совет, сход; заседание’), названия месяцев (*тохсунньу* < як. *тохсунҕу*, *тохсунньу* ‘январь’, *олунньу* < як. *олунҕу*, *олунньу* ‘февраль’), термины коневодства (*сулар* ‘уздечка’ < як. *сулар* ‘недоуздок, повод’; *торгии* < як. *төрҕүү* ‘торока, ремешки позади седла для пристежки’), наименования частей жилища (*оһ(у)ох* < як. *оһох* ‘камин, камелек; печь’, *туннук* < як. *түннүк* ‘окно’; *хос(хо)* < як. *хос* ‘комната’), продуктов (*ханьах* (тж. *хайах*, *хайак*) < як. *хайах* ‘каяк (замороженный молочный продукт, близкий по вкусу к маслу)’, *суорат* < як. *суорат* ‘сорат (заквашенное кипяченое молоко)’)) и др.

Из якутского заимствовались не только существительные, но и лексемы других частей речи: прилагательные (*дохсун* ‘дерзкий’ < як. *дохсун* ‘дерзкий; стремительный’), наречия (*алис* (тж. *алыс*) ‘очень’ < як. *алыс*, *олус* ‘чрезмерно, очень’, *наар* < як. *наар* ‘постоянно; слишком’), глаголы (*бата-* ‘сдерживать’ < як. *баттаа-* ‘давить; угнетать’). Большую группу составляют различные дискурсивные частицы (*бысата* ‘в общем’ < як. *быһата* ‘короче (говоря), (одним) словом’, *синь* ‘все равно, все-таки’ < як. *син* ‘все равно, все одно; безразлично’). Происхождение некоторых единиц получает вариативные истолкования у разных исследователей: так, наречие *арай* (тж. *арэй*) ‘(и) вдруг, (и) вот, оказывается, однажды’ С. Н. Курилова и М. Шмальц возводят к якутскому *арай* ‘только, едва’, тогда как в (Nikolaeva, 2006: 112) оно попадает в круг эвенизмов. Можно предположить, что истина в данном случае лежит посередине и этот корень (зафиксированный во многих современных тюркских языках и относимый к монголизмам в (Рассадин, 2019: 250) пришел в юкагирский из якутского через эвенский (ср. также упоминание наречия *арай*, заимствованного из якутского, в (Саввинова, 2010) для литературного и в (Шарина, Кузьмина, 2018: 110) для нижнеколымского эвенского). Кроме того, некоторые частицы, отмеченные И. А. Николаевой как «колымские» (употребительные в колымском, или лесном, юкагирском), зафиксированы в полевых материалах Г. Н. Курилова на тундренном юкагирском (ср. *букатын* (тж. *букатин*) ‘совсем’ < як. *букатын*, *бугатын* ‘совсем, совершенно’, см. (Курилов, 2001: 160, 195, 287; Курилова, 2014b). В (Schmalz, 2013: 233) отмечается, что юкагиры (в том числе хорошо вла-

⁷ Метаданные текста доступны по следующей ссылке: <https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000F-2ED6-2>

деющие языком) употребляют в речи якутские частицы даже при наличии исконного юкагирского аналога (ср. сходную ситуацию с употреблением заимствованных модальных и дискурсивных наречий и частиц в эвенском (Malchukov, 2006).

В тундренном юкагирском обнаруживается также заимствованный из якутского языка морфологический показатель — вербализатор, имеющий алломорфы *-лаа* / *-даа* / *-наа* / *-таа* (Курилова, 2015а). Этот суффикс используется в якутском для адаптации русских глаголов (ср. т. юк. *путэйдэ* < як. *буутайдаа* ‘путать’ < рус. *путай* (IMP.SG) + як. *-даа*), однако зафиксированы примеры присоединения этого показателя напрямую к русским именам существительным (ср. т. юк. *обойдаа* ‘оклеить обоями’ < рус. *обои* + як. *-даа*, т. юк. *утюгтаа* ‘глядеть’ < рус. *утюг* + як. *-таа*).

Лексические заимствования из **русского** языка в количественном отношении значительно превосходят вхождения из других языков региона: в (Nikolaeva, 2006) отмечено более 150 единиц. Большинство из них представляет собой обозначения новых для юкагигов предметов и реалий (ср. т. юк. *йэрэнэ* ‘самолет’ < рус. *аэроплан*; т. юк. *киинэ* < рус. *кино*; т. юк. *пуульэ* < рус. *пуля*), важное место среди которых занимают названия продуктов и посуды (ср. т. юк. *суоль* < рус. *соль*; *тэриэлкэ* (тж. *тариэлкэ*, *тариэлка*) < як. *тэриэлкэ* (тж. *тэриэkkэ*, *тэлиэркэ*, *тэлиэkkэ*) < рус. *тарелка*). Обзор последней группы заимствований представлен в (Курилова, 2015b), где утверждается, что значительная их часть проникла в тундренный юкагирский посредством якутского еще в дореволюционное время, после установления торговых отношений с русскими. Якутский часто занимал роль языка-посредника при заимствовании из русского, что сказалось на фонетическом оформлении многих слов (ср. т. юк. *кильиэп* < як. *кил(и)эп* < рус. *хлеб*, т. юк. *дьаам* < як. *дьаам* < рус. *ям*; подробнее о фонетической адаптации русский заимствований см. (Курилов, 2003). По данным (Nikolaeva, 2006), заимствованные названия предметов одежды в основном восходят к русским диалектным словам (ср. т. юк. *пугуул* ‘ меховые носки мехом наружу, надеваемые поверх унтов’ < рус. диал. *бутул* ‘чулок из мохнатой шкуры, надеваемый поверх обуви во время ночлега под открытым небом’ (Аникин, 2000: 148), т. юк. *кавсик* (тж. *каусик*) ‘ меховой шарф (кашне) из осенней шкуры молодого оленя или пыжика’ < рус. диал. *гавсик* (Nikolaeva, 2006: 167).

В сравнении с якутским обращает на себя внимание несколько иная дистрибуция заимствованных из русского служебных слов: частица обнаруживается всего одна (т. юк. *суотэки* < рус. *всё-таки*), зато имеет место заимствование союзов (т. юк. *бууттэ* < рус. *будто*, т. юк. *ильибэ* < рус. *либо*, т. юк. *отнаакэ* < рус. *однако*) и междометий (часто включающих религиозные термины, например, т. юк. *буостэвэй* < рус. *бог с тобой*, т. юк. *сатанаа* < рус. *черт* (межд.) и др.). Религиозная лексика активно заимствовалась в дореволюционное время, наравне с именами собственными и некоторыми другими терминами из различных семантических полей (подробнее см. (Курилов, 2003), где выделяется два основных периода заимствований, причем окончание первого датируется 30-ми годами XX в.). Второй период был связан с эпохой Советского Союза и радикальными изменениями, которые она привнесла в жизнь юкагигов. Заимствования этого периода соотносятся главным образом с новыми формами хозяйственной деятельности (ср. т. юк. *холхуос* (тж. *колхоз*) < як. *колхоз* < рус. *колхоз*, т. юк. *кулаак* < як. *кулаак* < рус. *кулак*), общественно-политической и образовательной сферами (ср. т. юк. *искуолэ* < як. *оскуола* < рус. *школа*, *сильсэвиэт* (тж. *сельсовет*) < як. *сельсовет* < рус. *сельсовет*).

Интересно отметить также функционирование в тундренном юкагирском дериватов от рус. *надо*, оформленных юкагирскими морфологическими показателями: *наадуол-* (надо-PASS) ‘быть нужным, необходимым’, *наадиш-* (надо-CAUS) ‘иметь потребность в чем-л.’, *наадишийаа-* (надо-CAUS-INCH) ‘нуждаться в чем-л.’ и др. (Курилов, 2001: 278). В лесном юкагирском эта лексема также была заимствована, однако, по данным (Maslova, 2003a: 26), она не подверглась фонетической адаптации и используется в конструкции с номинализацией, которая активно вытесняет исконно юкагирскую конструкцию с модальным суффиксом

-*možī* (1)–(2) (примеры даны в орфографии источника). В тундренном юкагирском конструкция с модальным показателем *-mori* остается сохранной (см. (Курилов, 2006: 162).

(1) *tamun min-gi nado.*
то брать-POSS надо
'Нужно это взять'. (Maslova, 2003a: 26)

(2) *tamun min-možī.*
то брать-PRSP(TR:1SG)
'Мне нужно это взять'. (Там же)

Взаимодействие с языками региона косвенно сказалось и на фонетической структуре тундренного юкагирского, открыв возможность для новой фонетической позиции звука [b] и его потенциального закрепления в качестве самостоятельной фонемы. В существующих грамматических описаниях тундренного юкагирского (Maslova, 2003b; Schmalz, 2013) он уже выделяется как отдельная фонема, тогда как в (Курилов, 2006: 40) поясняется, что звук *b* не встречается в позиции начала или конца слова, а возникает лишь в интервокальной позиции вследствие озвончения [п], что ставит под сомнение его фонемный статус. Попутно заметим, что в подробной грамматике лесного юкагирского (Maslova, 2003a) [b] характеризуется лишь как позиционный вариант фонемы /w/.

Рассмотрение единиц с начальным *b* в словаре (Курилов, 2001: 55–56) показало, что все полнозначные лексемы являются заимствованиями, причем половину из них составляют эвнизмы (напр., т. юк. *бобильэ*- 'сморщиться (о сторовшей шкуре)' < эв. *bobin*- 'сморщиваться, съеживаться', см. ТМС т. 1 стр. 86; т. юк. *бэбэну*- 'баюкать' < эв. *бэбэ*- 'нянчить, баюкать', см. (Цинциус, 1949: 166). Впрочем, зафиксированы также несколько заимствований из русского (напрямую или через посредство якутского, например, *бууттэ* 'будто' или т. юк. *былаас* < як. *былаас* < рус. *власть*) и один якутский корень (т. юк. *бадиваа*- 'мешать' < як. *baad*'у- 'лезть с пустяками', см. ТМС т. 1 стр. 64), для которого нельзя исключать возможность заимствования через эвенский.

К сожалению, мы не имеем возможности проследить результаты контактов тундренного юкагирского языка и другого юкагирского идиома, распространенного в Колымско-Алазейской тундре — олонского юкагирского (близкого к лесному юкагирскому), т. к. последний не был описан. Однако возможность такого рода контактов следует иметь в виду при определении давности заимствований, их направления, а также при уточнении эвенского говора-источника заимствований (для эвенских заимствований).

Представленный выше обзор контактных черт является очень кратким и предварительным. Менее 5 заимствований зафиксировано из чукотского языка; из эвенского фиксируется около 50, из якутского — более 60 заимствованных слов, а из русского — около 150, многие из которых заимствовались после 1930-х годов. Однако этих данных пока недостаточно, чтобы прояснить языковую ситуацию в Колымско-Алазейской тундре в исследуемый период. Как уже говорилось в конце Раздела 2, юкагирские идиомы имели контакты с тунгусскими, чукотско-камчатскими языками, а также с русским и в наименьшей степени с якутским языком как минимум начиная с XVII в. Отсутствие информации о вымерших юкагирских идиомах сильно усложняет анализ контактных явлений, поскольку не всегда легко определить, какие расходящиеся черты в лексике и грамматике двух юкагирских языков являются исконными, а какие — принесенными извне. Необходимо специальное исследование, в рамках которого будет проведено сравнение всех контактных черт тундренного и лесного юкагирского языков, что позволит уточнить картину досоветских контактов в Колымско-Алазейской тундре.

4. Контакты тундренных юкагиров с соседями и их связь с контактными явлениями в языке

В данном разделе мы рассмотрим, как соотносятся обнаруженные контактные явления и социальные условия контактов между локальными этническими группами Колымско-Алазейской тундры. Для реконструкции этих условий мы используем, главным образом, записи людей, напрямую взаимодействовавших с жителями Колымско-Алазейской тундры в конце XIX — начале XX в. Ввиду сложности и слабой достоверности реконструкций такого рода, уточним характер этих источников. В первую очередь, это обширные публикации этнографа В. И. Иохельсона по результатам его экспедиции (поездка к тундренным юкагирам была совершена в 1897 г.), а также путевые и этнографические заметки журналиста В. М. Зензинова (визит к юкагирам в 1912 г.) и детальный отчет К. Ф. Рожановского об экономическом положении жителей Алазеи в 1905 г. Мы также учитываем реконструкцию расселения племен Сибири Б. О. Долгих и данные переписи 1897 г. Мы осознаём невозможность детальной реконструкции языковой ситуации Колымско-Алазейской тундры по историко-этнографической литературе. Так, например, информации о пассивном владении жителями тундры тем или иным языком на основе источников такого рода мы, скорее всего, не получим. Тем не менее, мы считаем, что наблюдательность незаурядных энциклопедистов XIX–XX века и широта охвата исторических источников, на которых основана фундаментальная работа Б. О. Долгих, поможет нам пролить свет на основные тенденции лингвистических практик контактного региона.

По аналогии с предыдущим разделом, сначала будут рассмотрены контакты юкагиров и «юкагиризованных тунгусов» с чукчами, затем с эвенками и якутами, после чего мы кратко остановимся на русском влиянии.

Известно, что в XIX в. юкагиры находились в весьма бедственном экономическом положении. По сообщению К. Рожановского, юкагиры и «юкагиризованные тунгусы» Алазеи либо совсем лишились стад, либо имели по 5–10 оленей (Рожановский, 1907: 175). Напротив, **чукчи**, как уже было показано в (Пупынина, Коряков, 2019), на рубеже XIX и XX века занимали в регионе исключительное положение. Огромные стада северных оленей обеспечивали чукчей мясом в течение всего года; чукчи считались престижными женихами, юкагиры и прочие народы тундры поступали к ним работать пастухами, а вокруг их стойбищ всё время находились т. н. «приживальщики» (бедные люди, располагающиеся временным лагерем невдалеке от чукотского стойбища в надежде получить от богатых соседей небольшое вознаграждение за мелкие услуги (Иохельсон, 1900: 189). Иохельсон также указывает на большое количество браков между чукчами и другими народами Колымско-Алазейской тундры, в т. ч. приводит историю о том, что несколько дней после свадьбы один его знакомый чукча носил ламутский костюм, и в принципе чукчи-женихи соблюдали свадебные обычаи местного населения. Иохельсон констатирует начавшуюся языковую ассимиляцию чукчей местными племенами, в т. ч. юкагирами и «юкагиризованными тунгусами» (Иохельсон, 1900: 192). На востоке ареала, где чукотский не терял своих позиций, юкагиры мужского пола, по видимому, были больше знакомы с чукотским языком как пастухи-работники чукчей, иногда таким образом зарабатывающие себе невесту, хотя такое происходило нечасто (Иохельсон, 1926/2005: 170). Однако, как было показано в Разделе 3, юкагирский язык очень мало заимствовал из чукотского. Добавим, что в паре чукотский/юкагирский контактные отношения зеркальны: оба языка не повлияли друг на друга в значительной степени. По нашим экспедиционным данным, в Андрюшкино, единственном поселке Нижнеколымского района, расположенном в низовьях Алазеи, почти никто не говорит на чукотском языке, в то время как в селе Колымское на берегу Колымы чукотскую речь до сих пор можно услышать на улицах (разумеется, из уст пожилого поколения). Можно предполагать, что, быстро пройдя во вто-

рой половине XIX века через стадию многоязычия, чукчи нижней Индигирки и Алазеи перешли на юкагирский и эвенский языки, а их культура растворилась в местном суперстрате.

Эвенский и якутский языки, как было показано, повлияли на юкагирский более значительно, чем чукотский. В количественном отношении эти языки оказали сравнимое воздействие на юкагирский язык: примерно одинаковое количество заимствований (чуть больше из якутского), немного грамматических черт. Однако характер эвенских лексических заимствований, в особенности обоюдное заимствование терминов родства между эвенским и тундренным юкагирским, говорит о более тесных и давних контактах **ЭВЕНОВ** и юкагиров, связанных с формированием культурной и генетической общности.

В пользу формирования такой общности говорит целый набор лингвистических и этнографических свидетельств. Смешанные тунгусско-юкагирские семьи, члены которых называли себя тунгусским родовым названием, но считались в официальных источниках юкагирами и говорили по-юкагирски, фиксировались между Индигиркой и Яной еще в XVII в. (Долгих, 1960: 390): в то время именно эта территория была районом интенсивных контактов. Иногда к смешанным группам, кочевавшим по среднему течению Индигирки, применялось название «ламуцкие юкагиры» (Долгих, 1960: 403), ср. «юкагиризованных тунгусов» Йохельсона.

Традиционные культуры эвенов и юкагиров во второй половине XIX в. (транспортное оленеводство, охота и рыболовство) можно считать наиболее близкими друг другу среди всех остальных культур исследуемого региона. Юкагиры, как и некоторые чукчи, переняли обычай эвенов ездить верхом на оленях (данные из историко-социолингвистических интервью). В Разделе 3 также была показана связь между тундренным юкагирским и эвенским языками в сфере оленеводческой лексики. Соседские контакты и браки между эвенами и юкагирами привели, по-видимому, к формированию смешанных эвено-юкагирских родов — Бетильского и Каменно-ламутского. В культурном плане эти группы сочетали юкагирские и эвенские черты. В переписи 1897 г. бетильцы, кочевавшие рядом с первым Алазейским юкагирским родом, отнесены к «ламуто-юкагирам», при этом из 165 бетильцев 142 считали родным языком юкагирский (Патканов, 1912: 796–813). Любопытно, что Долгих связывает Бетильский род с Петайскими юкагирами, обитавшими в XVII в. к востоку от Яны. Эти юкагиры имели брачные связи с «тунгусами (ламутами)» тюгесирского рода (Долгих, 1960: 391). Каменно-ламутский род отмечен в той же переписи как «ламутский», и «ламутский» же все его опрошенные представители указали родным (Патканов, 1912: 796–813), что не означает, однако, что юкагирского они не знали вообще: их территория пересекалась с территорией кочевий второго Алазейского юкагирского рода. Скорее всего, сильная культурная смешанность и общность кочевых территорий обусловили функционирование эвенско-юкагирского двуязычия среди представителей двух юкагирских и двух каменно-ламутских родов (см. также Пупынина и др., 2020).

Интересно проследить, как знание юкагирского языка и юкагирских традиций постепенно угасает, вытесняясь эвенским языком и культурой, к западу от Колымско-Алазейской тундры. Йохельсон называет кочевников Индигирки «тунгусо-юкагирами», из которых очень немногие знали юкагирский. Современные эвены *дуткиль*, проживающие на Индигирке и на Яне (к западу от границ Колымско-Алазейской тундры), в этнографической литературе также называются «потомками юкагиров» (Левин, Потапов, 1961: 761). Родным языком все они считали «ламутский». Йохельсон же отмечает, что среди индигирских эвеноязычных юкагиров еще был распространен юкагирский обычай избегания (см. выше в Разделе 3), причем назывался он уже не по-юкагирски, а по-эвенски. При этом известно, что собственно тунгусским родам этот обычай не свойственен. Кроме того, в эвенском языке Индигирки в названиях некоторых родственников, по Йохельсону, сохранились юкагирские слова (Йохельсон, 1898: 36).

В заключение обсуждения крайней степени культурной и языковой смешанности эвенов и юкагигов упомянем путаницу «народных» названий, данных языкам северной тундры русскими. Во времена Иохельсона русское население Индигирки считало основным языком местного населения, эвенский («ламутский», по В.И. Иохельсону), юкагирским. Колымские русские, наоборот, называли тундренный язык юкагигов «ламутским» (Иохельсонъ, 1898: 31), что еще раз говорит о тесной связи эвенов и юкагигов в XIX в.

Итак, тесные культурные связи и длительное двуязычие юкагигов и эвенов центральной части Колымско-Алазейской тундры являются несомненным фактом, и это отчасти подтверждается взаимным заимствованием терминов родства, заимствованием юкагирами оленеводческой и другой основной лексики. Однако двуязычие и четырехсотлетние контакты эвенских и юкагирских родов либо не привели к значительной перестройке языковых систем и заимствованию большого количества лексических морфологических элементов, либо заимствованные элементы настолько видоизменились, что их выявление теперь представляется крайне затруднительным.

Перейдем теперь к якутско-юкагирским связям. Лексические заимствования из якутского в юкагирский во многом связаны с обозначением новых для юкагирской культуры объектов (деталей жилища, терминов коневодства, молочных продуктов). На конец XIX в. связи тундренных юкагигов с **якутами** фиксируются противоречиво. Якуты селились в основном по краю леса, однако их рыболовные и охотничьи угодья наверняка продолжались вглубь тундры (не доходя до моря). Благодаря коневодству и скотоводству якуты с выгодой для себя торговали с юкагирами конским волосом, использовавшимся для плетения сетей, и молочными продуктами. В. М. Зензинов, побывавший у юкагигов в 1912 г., пишет: «Все юкагиры говорят и понимают по-якутски, на этом языке и общаются с приезжими», а между собой «говорят то по-якутски, то по-юкагирски», с несколько большей долей юкагирского (Зензинов, 1914: 15). Стойбище этих юкагигов осенью 1912 г. располагалось к востоку от Индигирки (между Индигиркой и Алазеей); возможно, это были юкагиры Второго Алазейского рода. С другой стороны, по совсем недавнему сообщению Д. Н. Куриловой, уроженки юкагирского села Тустах-Сень, расположенного недалеко от р. Большая Чукочьа, ее родители, чье детство пришлось на 1920-е, выучили якутский язык в зрелом возрасте. Ее мать так и не начала свободно говорить на якутском. В семьях говорили на юкагирском; якутский же был нужен для того, чтобы вести торговые обмены с якутами. Таким образом, ситуация на западе Колымско-Алазейской тундры, между Алазеей и Индигиркой, могла отличаться от более восточной ее части, между Алазеей и Колымой ближе к Колыме. В западной части юкагирско-якутское двуязычие могло быть шире распространено, тогда как в восточной было ограничено возрастным и гендерным факторами. В 1930-х влияние якутского и по Алазее, и по Колыме сильно возросло: на нём велось преподавание в первой школе-интернате на западе новообразованного Нижнеколымского района, делопроизводство поначалу также шло на якутском языке. Сами юкагиры отмечают, что в речи у различных носителей, владеющих и не владеющих якутским, количество якутских дискурсивных элементов в речи различается с явным их преобладанием у первых.

Интересна роль якутского языка в оформлении проникающих в юкагирский заимствований из русского. Так, вспомним, что вербализатор *-лаа / -даа / -наа / -таа*, заимствованный из якутского, служит для оформления русских глаголов, а многие русские слова попали в юкагирский через посредство якутского языка, что может говорить о том, что контакты юкагигов с якутами долгое время были более тесными. Так, В. И. Зензинов отмечает, что общение между русскими и юкагирами между Индигиркой и Алазеей велось по-якутски.

Влияние русского языка на юкагирский началось давно, однако русское присутствие, по-видимому, воздействовало скорее на распространение юкагирского языка в сторону его сокращения, чем на его структуру. Известно, что очень много юкагигов обрусели, осели в деревнях и перешли на русский язык (см., например, (Гоголев и др., 1975: 16–17). Как и **рус-**

ские, они начинали жить в основном рыбной ловлей, перемещаясь в сезон от одного рыбного места на другое, имея при этом постоянное деревянное жилище в поселении. Возможно, этот переход происходил очень быстро (и в огромном некогда ареале обитания юкагиров очень неравномерно), быстро минуя стадию двуязычия и не приводя к появлению большого количества русских заимствований. Связи русских и юкагиров и несомненное владение русским языком некоторыми юкагирами в XVII в. фиксируются также у Долгих. Так, юкагиры периодически подавали челобитные царю и могли донести до ясачного зимовья такую информацию: «Стала наша земля пуста, на Яне и по сторонним и до Индигирки, а по другую сторону и до Лены, соболей нет... а добываем де наш ясак соболи извозом у русских людей, а иные и каменные юкагиры, Якчанга с родом, покупаем де соболи в Жиганах у якутов и у тунгусов на последние свои оленишка и на борошнишко» (цит. по Долгих, 1960: 386). По-видимому, многие юкагиры к XIX–XX веку перешли на русскую одежду; как указывалось выше, названия русских предметов одежды заимствуются в юкагирский напрямую из русского. Упомянем здесь заметку Зензинова о том, что юкагиры Индигирки не отличались одеждой от русских и якутов, и «под оленьей кухлянкой у них русские рубахи» (Зензинов, 1914: 14). Тем не менее, Зензинов отмечает, что «Индигирские юкагиры знают несколько русских слов, но не умеют их связывать» (Там же) — и это в 1912 году, уже в предреволюционную эпоху.

В заключение этого раздела процитируем заметку Йохельсона о многоязычии юкагиров. Он называет юкагиров и «тунгусов» тундры «подлинными полиглотами», которые «понимают юкагирский, тунгусский, якутский и чукотский языки» (Йохельсон 1926/2005: 91). Тем не менее, конкретных примеров знания одной личностью пяти языков он не приводит. Барон Майдель упоминает о юкагирском переводчике, который мог переводить с чукотского на русский (Майдель, 1894: 117, 126). Возможно, именно те юкагиры мужского пола, которые имели связи с представителями администрации и выполняли функции проводников и переводчиков, владели наибольшим количеством языков. Скорее всего, распространенное многоязычие, зафиксированное исследователями XX–XXI вв., стало массовым как среди юкагиров, так и среди эвенов и чукчей только после 1930-х годов.

5. Основные результаты

Мы рассмотрели тундренный юкагирский язык в свете контактов с окружающими его языками и социоэкономические условия этих контактов в конце XIX — начале XX в. Исторический экскурс в более ранний период этнической истории юкагиров показал, что в XVII–XIX веках территория расселения юкагиров сильно сократилась. Набор этнических групп, с которыми контактировали юкагиры, в XVII в. в целом совпадал с современным и включал еще коряков и кереков. Колымско-Алазейская тундра стала ареной действия языковых и культурных контактов не ранее XVIII в., хотя распространенные в ней в XIX веке языки, вероятнее всего, контактировали друг с другом и ранее, но на другой территории.

Обзор контактных явлений в тундренном юкагирском языке выявил, что количество заимствований в современный юкагирский язык минимально из чукотского (менее 5), из эвенского составляет около 50, из якутского более 60 и из русского более 150 слов. Массового заимствования отдельных грамматических показателей выявлено не было (ср. як. *-лаа* и предположительно эв. *-счи*), однако наличие влияний на морфосинтаксическую структуру еще предстоит исследовать.

Ниже мы изложим основные результаты сравнения социоэкономических условий контактов с данными о лингвистических свидетельствах контактов.

1. Контакты с чукчами в Колымско-Алазейской тундре носят недавний характер (как было указано выше, по наиболее надежным источникам, чукчи перешли Колыму в западном направлении только в середине XIX в., в то время как контакты юкагиров с рус-

скими известны с XVII в., а с якутами и эвенками — приблизительно с XVIII в.). Несмотря на экономическое превосходство чукчей, в западной части Колымско-Алазейской тундры они были ассимилированы местными племенами в языковом отношении. В восточной части контакты могли быть более интенсивными, но не очень длительными, лишь изредка приводящими к двуязычию. Этим объясняется небольшое количество заимствований из чукотского в юкагирский.

2. Брачные и соседские связи между юкагирами и эвенками в XIX в. и начале XX в. были очень тесны (так, существовали смешанные эвено-юкагирские роды и скорее всего было широко распространено двуязычие). Это отчасти подтверждается качеством заимствований из эвенского в юкагирский (в числе прочего, несколько терминов родства), но не объясняет сравнительно небольшое общее количество заимствований из этого языка. В юкагиро-эвенских отношениях, по-видимому, отсутствовало выраженное доминирование одной группы над другой.
3. Контакты юкагиров с якутами имеют гораздо менее тесный характер по сравнению с юкагиро-эвенскими связями. Юкагиры и якуты были связаны торговыми отношениями, в которых якуты выступали как источник важных продуктов, связанных с коневодством и скотоводством. Юкагиро-якутское двуязычие было распространено неравномерно. Владение юкагирами якутским языком могло быть обусловлено гендерным и возрастным аспектами.
4. Контакты юкагиров с русскими очень давние (особенно это касается отношений со служилыми людьми, контролирующими выполнение повинностей) и отличаются от связей с остальными народами своим максимально вертикальным характером. Что касается поселений русских рыбаков в устьях Индигирки, Алазеи и Колымы, то с ними, по крайней мере на Индигирке, юкагиры общались по-якутски. Свидетельств юкагиро-русского двуязычия немного; по-видимому, русским владели в основном юкагиры, от которых этого требовала служба в качестве проводника или переводчика.

Кроме того, важно учесть, что часть якутских и русских заимствований вошла в юкагирский язык в советский период, когда статус русского языка, а в первые годы и якутского языка, повысился благодаря их роли в делопроизводстве и образовании. Таким образом, их появление в тундренном юкагирском языке не относится к рассматриваемому периоду.

Таким образом, исследование показывает, что большое количество заимствований может быть объяснено как многолетней историей и культурным смешением (как в случае с эвенками и юкагирами), так и иерархическим характером связей между контактирующими общностями. При этом даже тесный горизонтальный культурный контакт и равновесное двуязычие сами по себе не определяют большого количества заимствований, в отличие от контакта вертикального, где одна из сторон экономически и административно превосходит другую.

Сопоставление данных по многоязычию в Колымско-Алазейской тундре в XX в. и данных, описывающих более ранний период, подтверждает наблюдения, высказанные в предыдущих статьях цикла. По-видимому, в эвено-юкагирской среде было распространено двуязычие с преобладанием юкагирского. В некоторых частях ареала юкагиры хорошо знали якутский язык, реже всего владели русским языком. Некоторые социальные группы юкагиров (потенциальные женихи, пастухи, проводники и переводчики русских) владели чукотским. Пятиязычие с активным использованием всех языков тундры, по-видимому, было редким явлением, хотя не исключено, что некоторые юкагиры в рассматриваемый период могли понимать чукотский, русский и якутский, но не говорить на этих языках.

К сожалению, совершенно не охваченными в этой статье оказались связи тундренного юкагирского с лесным, хотя такие контакты, несомненно, имели место в Колымско-Алазейской тундре. Для косвенного изучения этого влияния необходимо детальное сравнение грамматических систем тундренного и лесного юкагирского. Помимо этого, важно про-

вести количественный и качественный анализ лингвистического влияния тунгусских и чукотско-камчатских языков, а также якутского и русского языка на лесной юкагирский язык и сопоставить это влияние с фактами, описанными в Разделе 3 данной работы. Сведение во-едино всех (в том числе, экстралингвистических) данных по контактам юкагирских языков позволит дать более достоверную картину распространения юкагирских языков в прошлом и, шире, позволит уточнить динамику распространения различных этнических групп по северо-восточной Сибири.

Сокращения:

1–3 — 1–3 лицо, CAUS — каузатив, CONAT — конатив, IMP — императив, INCH — инхоатив, GNR — генерический хабиуталис, NONFUTURE — небудущее время, PASS — пассив, PL — множественное число, POSS — посессив, PRSP — проспектив, SG — единственное число, TR — переходный глагол.

Литература:

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск: Наука, 2000.
- Вахтин Н. Б.** Языки народов севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Булавин, 2001.
- Гоголев З. В., Гурвич И. С., Золотарева И. М., Жорницкая М. Я.** Юкагиры: Историко-этнографический очерк / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975.
- Гурвич И. С.** Этнографическая экспедиция в Нижне-колымский и Средне-колымский районы Якутской АССР в 1951 году (предварительный отчет) // Советская этнография. № 3. 1952. С. 200–209.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Академии наук, 1960.
- Зензинов В. М.** В гостях у юкагиров // Этнографическое обозрение. № 1–2. 1914. С. 106–126.
- Юхельсон В. И.** Предварительный отчетъ объ исследованіи инородцевъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ (съ картой маршрутовъ). // Извѣстія Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества XXIX. 1898. № 1. С. 9–25.
- Юхельсон В. И.** Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этнической составъ, нарѣчіе, бытъ, брачныя и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ // Живая старина. 1900. Вып. I–II. С. 151–193.
- Юхельсон В. И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005 (оригинал издан в Ученых записках Американского музея в 1926 г.).
- Коряков Ю. Б.** Принципы составления списка языков России. Доклад на третьем заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, ИЯз РАН (Москва), 24 ноября 2020 г.
- Крейнович Е. А.** Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX веков // Страны и народы востока. Вып. XVIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 2. М.: Наука, 1972. С. 56–92.
- Курилов Г. Н.** О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // Советская этнография. №2. 1969. С. 92–96.
- Курилов Г. Н.** Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001.
- Курилов Г. Н.** Лексикология современного юкагирского языка. Новосибирск: Наука, 2003.
- Курилов Г. Н.** Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006.
- Курилова С. Н.** Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42). Ч. II. Тамбов: Грамота, 2014а. С. 101–105.
- Курилова С. Н.** Лексико-тематические группы якутских заимствований в языке тундровых юкагиров // Евразийский союз ученых. № 4 (11). Москва, 2014b. С. 56–59.
- Курилова С. Н.** Особенности морфологического освоения иноязычных слов в языке тундровых юкагиров // Международнй научно-исследовательский журнал. Филологические науки. №10 (41). Ч.5. Екатеринбург: Полиграфист, 2015а. С. 85–87.
- Курилова С. Н.** Классификация русских лексических заимствований в тундровом юкагирском языке: тематическая группа «кухня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (47). Ч. I. Тамбов: Грамота, 2015b. С. 116–120.

- Левин М. Г., Потанов Л. П.** (ред.). Историко-этнографический атлас Сибири. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1961.
- Майдель Г.** Путешествие по сѣверо-восточной части Якутской области в 1868–1870 г. С.-Петербург: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1894.
- Мудрак О. А.** Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Николаева И. А., Хелимский Е. А.** Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 155–168.
- Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Ленинград: Наука, 1980.
- Паткановъ С.** Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ (на основаніи данныхъ специальной разработки матеріала переписи 1897 г.). Т. 3. С.-Петербург, 1912.
- Плужников Н. В., Шадрин В. И.** Юкагиры // Народы Северо-Востока Сибири / ред. Е. П. Батьянова, В. А. Тураев. ИЭА РАН. М.: Наука, 2010. С. 636–685.
- Пупынина М. Ю., Аралова Н. Б., Коряков Ю. Б.** География многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры в конце XIX — начале XX века. Часть 2. Эвенский язык. Эвены и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (27). 2020. С. 44–60.
- Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б.** География многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры в конце XIX — начале XX века. Часть 1. Чукотский язык. Чукчи и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (23). 2019. С. 69–82.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Роббек В. А., Роббек М. Е.** Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005.
- Рожановский К. Ф.** Отчет К. Ф. Рожановского об Алазейской части Колымского округа // Отчет уполномоченного Министерства Внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымскаго и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина. СПб.: Министерство внутренних дел, 1907.
- Саввинова С. Н.** Якутская заимствованная лексика в эвенском языке. Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2010.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975.
- Цинциус В. И.** Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1949.
- Цинциус В. И., Ришес Л. Д.** Русско-эвенский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1952.
- Шарина С. И., Кузьмина Р. П.** Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018.
- Jochelson W.** (1926). The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. The Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History, 9(3).
- Malchukov A.** Yakut interference in North-Tungusic languages // H. Boeschoten & L. Johanson (eds.). Turkic languages in contact. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 122–139.
- Maslova E.** A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003a.
- Maslova E.** Tundra Yukaghir. Languages of the World / Materials 372 Lincom Europa, München, 2003b.
- Matić D.** Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax // Antje Casaretto & Silvia Kutscher (eds.). Sprachkontakt, synchron und diachron. Aachen: Shaker, 2008. P. 93–124.
- Matić D.** Documenting dying languages: Kinship avoidance speech in Tundra Yukaghir. Доклад на конференции «Лингвистический форум 2019: Коренные языки России и мира» (ИЯз РАН, Москва, 4–6 апреля 2019 г.).
- Nikolaeva I.** A historical dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Pakendorf B., Matić D., Aralova N., Lavrillier A.** 2010. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Èvens in Siberia (DOBES, MPIP, MPI-EVA, Nijmegen, Leipzig). Available at: <https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0>.
- Pupynina M. & Aralova, N.** (2021) Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends. International Journal of Bilingualism. Special issue 'Typology of small-scale multilingualism', 25 (4), P. 1-21.
- Schmalz M.** Aspects of the grammar of Tundra Yukaghir. PhD thesis, University of Amsterdam, 2013.
- Tadmor U.** Loanwords in the world's languages: Findings and results // Haspelmath M. & Tadmor U. (eds.). Loanwords in the world's languages: a comparative handbook. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 55–75.

Пупынина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук.

Научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, д. 9, г. Санкт-Петербург, 199053.

Научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, д. 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

E-mail: pupynina@gmail.com

Мордашова Дарья Дмитриевна.

Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, д. 1, стр. 1, г. Москва, 125009.

Аспирант.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991.

E-mail: mordashova.d@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2021 г.

Pupynina M. Yu., Mordashova D. D.

**EVIDENCE OF LANGUAGE CONTACT IN KOLYMA-ALAZEIA TUNDRA
IN THE 19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES.
TUNDRA YUKAGHIRS AND THEIR CONTACTS WITH THE NEIGHBOURS**

This paper is the third one within the series of studies devoted to the linguistic situation in the Kolyma-Alazeia tundra, a region of intense ethnic and linguistic contacts, in the late 19th — early 20th centuries. The study focuses on Tundra Yukaghirs and the Tundra Yukaghir language, which was in contact with Chukchi, Even, Yakut and Russian. First, we provide a brief historical review on Yukaghirs in the 17–19th centuries, which shows that the region in question became a contact area only since the 18th century. Then, using the literature on the Yukaghir loanwords and our own field data, we consider the phenomena in Tundra Yukaghir that were caused by the influence of other languages of the Kolyma-Alazeia tundra. This overview displays that the number of lexical borrowings in the modern Yukaghir language is the lowest from Chukchi (less than 5), and comprises about 50 words from Even, more than 60 words from Yakut and, finally, more than 150 words from Russian. Based on the various sources (ethnographic literature, eyewitness accounts), we describe the social conditions that accompanied contacts between the representatives of various peoples in the Kolyma-Alazeia tundra. These data are compared with the data on linguistic evidence of the contacts. Contacts with Chukchis in the Kolyma-Alazeia tundra were quite recent, which explains the small number of borrowings in Yukaghir. On the contrary, marital and neighborly ties between Yukaghirs and Evens were very tight (for example, there were mixed Even-Yukaghir clans, and Even-Yukaghir bilingualism was most likely widespread). The relations between Yakuts and Yukaghirs were mainly of a commercial nature (Yakuts possessed valuable products of horse and cattle breeding). Contacts with Russians have ancient history, and in many cases they involved control over the state duties that was exercised by Russians, which indicates the hierarchical nature of these contacts. Thus, the study shows that a large number of borrowings can be explained both by the long-term history and cultural mixing (Evens and Yukaghirs), and the hierarchical nature of the relations between the communities in contact (Yakuts and Yukaghirs, Russians and Yukaghirs).

Keywords: *Yukaghir languages, Tundra Yukaghir, Yukaghirs, language contact, multilingualism, lexis, loanwords, kinship terms.*

References:

- Anikin A. E.** Ètimologičeskij slovar' russkix dialektov Sibiri: zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov [Etymological dictionary of the Russian dialects of Siberia: loanwords from Uralic, Altaic and Paleoasian languages]. Moscow, Novosibirsk: Nauka, 2000.
- Cincius V. I.** Sravnitel'naja fonetika tunguso-man'čžurskix jazykov [Comparative phonetics of Tungusic languages]. Leningrad: Leningradskoje otdelenie Učpedgiza, 1949.
- Cincius V. I., Rišes L. D.** Russko-èvenskij slovar' [Russian-Even dictionary]. Moscow: Izdate'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej, 1952.
- Dolgič B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav Sibiri v XVII veke [Clan and tribal composition of Siberia in the 17th century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1960.
- Gogolev Z. V., Gurvič I. S., Zolotareva I. M., Žornickaja M. Ja.** Jukagiry: Istoriko-ètnografičeskij očerk [Yukaghirs: a historical and ethnographic sketch] / A. P. Okladnikov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1975.
- Gurvič I. S.** Ètnografičeskaja èkspedicija v Nižne-kolymskij i Sredne-kolymskij rajony Jakutskoj ASSR v 1951 godu (predvaritel'nyj očet) [An ethnographic expedition to Lower and Middle Kolyma districts of Yakut ASSR in 1951 (a preliminary report)] // Sovetskaja ètnografija. №3. 1952. P. 200–209.
- Ioxel'son V. I.** Predvaritel'nyj očet ob issledovanii inorodcev Kolym'skago i Verxojanskago okrugov (s kartoj maršrutov) [A preliminary investigation report of aborigines of Kolym'skij and Verkhoyanskij district (with a route map)] // Izvestija Vostočno-sibirskago otdela Imperatorskago russkago geografičeskago obščestva XXIX. 1898. № 1. P. 9–25.
- Ioxel'son V. I.** Brodjačie rody tundry meždu rekami Indigirkoi i Kolymoi, ix ètničeskij sostav, narečie, byt, bračnye i inye obyčaji i vzaimodejstvie različnyx plemennyx èlementov [Nomadic Tundra clans between Indigirka and Kolyma rivers, their ethnic composition, language, everyday life and other customs and interaction of the different clan elements] // Živaja starina. 1900. Vol. I–II. P. 151–193.
- Ioxel'son V. I.** Jukagiry i jukagirizovannye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Tunguses]. Novosibirsk: Nauka, 2005 (originally published in Učenyje zapiski Amerikanskogo muzeja in 1926).
- Jochelson W.** (1926). The Jukaghir and the Jukagirized Tungus. The Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History, 9(3).
- Korjakov Ju. B.** Principy sostavlenija spiska jazykov Rossii [Principles of composing the list of languages of Russia]. A talk given on the 3rd meeting of the Discussion and Analytical Club on the Language Policy, Institute of Linguistics RAS (Moscow), November 24, 2020.
- Krejnovič E. A.** Iz žizni tundrennyx jukagirov na rubeže XIX i XX vekov [Notes on Tundra Yukaghirs' lifestyle in 19–20 centuries] // Strany i narody vostoka. Vol. XVIII. Strany i narody bassejna Tixogo okeana. Kniga 2. Moscow: Nauka, 1972. P. 56–92.
- Kurilov G. N.** O terminax rodstva i svojstva tundrennyx jukagirov [On Tundra Yukaghir kinship terms] // Sovetskaja ètnografija. № 2. 1969. P. 92–96.
- Kurilov G. N.** Jukagirsko-russkij slovar' [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2001.
- Kurilov G. N.** Leksikologija sovremennogo jukagirskogo jazyka [Lexicology of Modern Yukaghir]. Novosibirsk: Nauka, 2003.
- Kurilov G. N.** Sovremennyj jukagirskij jazyk: učebnoe posobie [Modern Yukaghir: a textbook]. Jakutsk: Ofset, 2006.
- Kurilova S. N.** Tematičeskije gruppy tungusskix leksičeskix zaimstvovanij v severojukagirskom jazyke [Thematic groups of Tungus lexical borrowings in the North Yukaghir language] // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 12 (42). Part II. Tambov: Gramota, 2014a. P. 101–105.
- Kurilova S. N.** Leksiko-tematičeskije gruppy jakutskix zaimstvovanij v jazyke tundrovyx jukagirov [Thematic groups of Yakut lexical borrowings in the Tundra Yukaghir language] // Evrazijskij sojuz učenyx. №4 (11). Moscow, 2014b. P. 56–59.
- Kurilova S. N.** Osobennosti morfologičeskogo osvoenija inozjačnyx slov v jazyke tundrovyx jukagirov {Peculiarities of the morphologic adaptation of foreign words in Tundra Yukaghir} // Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal. Filologičeskije nauki. №10 (41). Č.5. Ekaterinburg: Poligrafist. 2015a. S. 85–87.
- Kurilova S. N.** Klassifikacija russkix leksičeskix zaimstvovanij v tundrovom jukagirskom jazyke: tematičeskaja gruppa «kuxnja» [Classification of Russian lexical borrowings in Tundra Yukaghir: a thematic group “kitchen”] // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 5 (47). Part I. Tambov: Gramota, 2015b. P. 116–120.
- Levin M. G., Potapov L. P.** (eds.). Istoriko-ètnografičeskij atlas Sibiri [A historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1961.

- Majdel' G.** Putešestvie po severo-vostočnoj časti Jakutskoj oblasti v 1868–1870 g. [A travel around the Northwestern part of Yakutia oblast in 1868–1870]. Saint-Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1894.
- Malchukov A.** Yakut interference in North-Tungusic languages // H. Boeschoten & L. Johanson (eds.). *Turkic languages in contact*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 122–139.
- Maslova E.** *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003a.
- Maslova E.** *Tundra Yukaghir*. *Languages of the World / Materials 372 Lincom Europa*, München, 2003b.
- Matić D.** Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax // Antje Casaretto & Silvia Kutscher (eds.). *Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker, 2008. P. 93–124.
- Matić D.** Documenting dying languages: Kinship avoidance speech in Tundra Yukaghir. Talk given at the conference «Linguistic forum 2019: Indigenous languages of Russia and beyond» (Institute of Linguistics RAS, Moscow, April 4–6, 2019).
- Mudrak O. A.** Ètimologičeskij slovar' čukotsko-kamčatskix jazykov [Etymological dictionary of Chukchi-Kamchatkan languages]. Moscow: Jazyki russoj kul'tury, 2000.
- Nikolaeva I.** *A historical dictionary of Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Nikolaeva I. A., Xelimskij E. A.** Jukagirskij jazyk [The Yukaghir language] // *Jazyki mira. Paleoaziatskie jazyki*. Moscow: Indrik, 1997. P. 155–168.
- Novikova K. A.** Očerki dialektov èvenskogo jazyka: Ol'skij govor. Glagol, služebnye slova, teksty, glossarij [Sketches on the dialects of Even: Ola subdialect. Verb, function words, texts, glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Pakendorf B., Matić D., Aralova N., Lavrillier A.** 2010. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Èvens in Siberia (DOBES, MPIP, MPI-EVA, Nijmegen, Leipzig). Available at: <https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0>.
- Patkanov S.** Statističeskija dannija, pokazyvajuščija plemennoj sostav naselenija Sibiri, jazyk i rody inorodcev (na osnovanii dannyx special'noj razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data, showing tribal composition of Siberia population, the language and clans of non-Russian population (on the basis of 1897 census data)]. Vol. 3. Saint-Petersburg, 1912.
- Plužnikov N. V., Šadrin V. I.** Jukagiry [Yukaghirs] // *Narody Severo-Vostoka Sibiri / E. P. Bat'janova, V. A. Turaev (eds.). IĖA RAN*. Moscow: Nauka, 2010. P. 636–685.
- Pupynina M., Aralova N.** Lower Kolyma multilingualism: Historical setting and sociolinguistic trends // *International Journal of Bilingualism. Special Issue: Typology of Small-Scale Multilingualism*, 2021. (early online publication)
- Pupynina M. Yu., Aralova N. B., Korjakov Yu. B.** Geografija mnogojazyčija narodov Kolymsko-Alazejskoj tundry v konce XIX — načale XX veka. Čast' 2. Èvenskij jazyk. Èveny i ix kontakty s sosjedjami [Geography of multilingualism of peoples of Kolyma-Alazeia tundra in the late 19th to the early 20th centuries. Part II. The Even language: Evens and their contacts with the neighbours] // *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij*. №1 (27). 2020. P. 44–60.
- Pupynina M. Yu., Korjakov Yu. B.** Geografija mnogojazyčija narodov Kolymsko-Alazejskoj tundry v konce XIX — načale XX veka. Čast' 1. Čukotskij jazyk. Čukči i ix kontakty s sosjedjami [Geography of multilingualism of peoples of Kolyma-Alazeia tundra in the late 19th to the early 20th centuries. Part I. The Chukchi language: Chukchis and their contacts with the neighbours] // *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij*. № 1 (23). 2019. P. 69–82.
- Rassadin V. I.** Očerki po istorii složenija tjurko-mongol'skoj jazykovoju obščnosti [Sketches on the history of formation of the Turkic-Mongolic linguistic community] / A. V. Dybo (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2019.
- Robbek V. A., Robbek M. E.** Èvensko-russkij slovar' [Even-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Rožanovskij K. F.** Otčet K. F. Rožanovskogo ob Alazejskoj časti Kolym'skogo okruga [K. F. Rožanovsky's Report about the Alazeia part of Kolyma District] // *Otčet upolnomočennogo Ministerstva Vnutrennix del po snabženiju prodovol'stvijem v 1905 godu Kolym'skago i Oxotskogo kraja mirovogo sud'i S. A. Buturlina*. Saint-Petersburg.: Ministerstvo vnutrennix del, 1907.
- Šarina S. I., Kuz'mina R. P.** Nižnekolym'skij govor èvenskogo jazyka [Lower Kolyma subdialect of Even]. Novosibirsk: Nauka, 2018.
- Savvinova S. N.** Jakutskaja zaimstvovannaja leksika v èvenskom jazyke [Yakut borrowed lexicon in Even]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni kandidata filologičeskix nauk.. Sankt-Peterburg, 2010.
- Schmalz M.** Aspects of the grammar of Tundra Yukaghir. PhD thesis, University of Amsterdam, 2013.
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov: Materialy k ètimologičeskomu slovarju: v 2 t.** [A comparative Tungusic dictionary: Materials for an etymological dictionary: in 2 vol.] / V. I. Cincius (ed.). Leningrad: Nauka, 1975.
- Tadmor U.** Loanwords in the world's languages: Findings and results // Haspelmath M. & Tadmor U. (eds.). *Loanwords in the world's languages: a comparative handbook*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 55–75.

Vaxtin N. B. Jazyki narodov severa v XX veke. Očerki jazykovogo sdviga [Languages of the Northern peoples in the 20th century. Sketches on language shift]. Saint-Petersburg.: Dmitrij Bulavin, 2001.

Zenzinov V. M. V gostjax u jukagirov [Visiting Yukaghirs] // *Ėtnografičeskoe obozrenie*. № 1–2. 1914. P. 106–126.

Pupynina Maria Yuryevna, candidate of philology.

Research fellow.

RAS, Institute for linguistic studies.

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, Russia, 199053.

Research fellow.

RAS, Institute of Linguistics.

1 Bolshoi Kislovskij lane, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: pupynina@gmail.com

Mordashova Daria Dmitrievna.

Junior research fellow.

RAS, Institute of Linguistics.

1 Bolshoi Kislovskij lane, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

Postgraduate student.

Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskije gory, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: mordashova.d@yandex.ru